

Политические цифры баланса сил

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Николы Капеллито "Crisi del debito e crisi dell'ordine".

Мы неоднократно определяли некоторые статистические данные и экономические прогнозы как «*политические цифры*». Не потому, что они ложные или зачастую оказываются ошибочными, а поскольку используются для описания лишь части реальности или формулирования одностороннего тезиса. Особо благоприятным полем для игры с *политическими цифрами* являются расчёты валовых внутренних продуктов (ВВП) различных стран и их долей в валовом мировом продукте (ВМП) двумя разными методами – по паритету покупательной способности (ППС) или по текущему курсу к доллару, – так как касаются именно изменения баланса сил.

С 1990 г. МВФ начал публиковать данные о ВВП по ППС, а шотландский экономист Энгас Мэддисон пытался систематизировать расчёты по ППС для измерения темпов роста и размеров национальных экономик, работая сначала в учреждениях ОЕЭС/ОЭСР в 1960-х гг., а затем в Гронингенском университете. Начиная с 1970-х гг., после прекращения действия Бреттон-Вудской системы с её фиксированными обменными курсами, потребовалось принять метод расчёта, который позволял бы избежать искажений, вызванных чрезмерно внезапными и частыми изменениями обменных курсов, и учитывать внутреннюю покупательную способность. Этот тип оценки ВВП даёт широкое представление о развитии внутренних рынков, а вкупе с некоторыми другими показателями (темпами распада крестьянства и расширения сферы наёмного труда, степенью отраслевого разделения труда) в определённой степени количественно характеризует и степень молекулярного развития капитала в странах молодого капитализма. Принятие МВФ метода расчёта по ППС также было отражением экспансионистского и инклюзивного характера нового цикла империалистического либеризма, поскольку позволяло статистически отразить и подчеркнуть ускоренный рост восходящих стран. В международной торговле, где повседневной реальностью и практикой являются операции с товарами, услугами и капиталом, осуществляемые в долларах, для сравнения стран между собой обычно используют американскую валюту по рыночным обменным курсам. Оба метода расчёта ВВП (по ППС и по обменным курсам) распространяются официальными учреждениями – Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком. Проблемы возникают не столько в ситуациях, когда результаты расчётов по двум методам просто различаются, сколько в случаях, когда они свидетельствуют о противоположных тенденциях.

Недавно берлинский мозговой центр атлантистской ориентации ECFR (Европейский совет по международным отношениям) опубликовал эссе, где сравнил ВВП Европейского союза и ВВП Соединённых Штатов за период 2008–2022 гг., выраженные в долларах по текущему обменному курсу. В этом нет ничего нового, если не считать того факта, что статья подводит статистическую базу для следующего политического тезиса: «*относительный упадок*» ЕС, выявленный украинской войной, усилил его зависимость от США в результате «*процесса вассализации*», который, судя по всему, выбирает сама же Европа как наименее рискованный и наиболее удобный путь. Представленные данные демонстрируют, что в 2008 г. ВВП ЕС по текущему обменному курсу превышал ВВП США (16,2 против 14,7 трлн долл.), но в 2022 г. ВВП США преодолел уровень 25 трлн долл., превзойдя аналогичный показатель ЕС более чем на 50 %. Этот скачок кажется сенсационным и требует изучения и интерпретации, так как может показаться искажением экономической реальности.

Обратившись к данным о ВВП по ППС от МВФ, мы увидим, что за пятнадцатилетний период 2008–2022 гг. ВВП как ЕС, так и США, рос медленнее по сравнению с ВВП остального мира, но Европа потеряла больше, чем США. Если добавить данные, относящиеся к Китаю, то можно наблюдать существенные различия между результатами расчётов по этим двум методам.

Во-первых, удивительно увеличивается дистанция между долями США и Европы в ВМП: стартовав на равных условиях с ЕС в 2008 г., США в 2022 г. имели долю в ВМП по ППС на 0,7

процентного пункта выше, чем у ЕС, но при текущих обменных курсах разница увеличивается примерно до 9 процентных пунктов.

Во-вторых, доля ВВП США по ППС в 2022 г. снизилась по сравнению с показателем 2008 г. вместе с долей Европы, но в пересчёте по курсам валют США выиграли, опередив Европу, хотя потеряли 9 процентных пунктов по сравнению с 2008 г.; 7 из этих 9 пунктов были утрачены к 2015 г., в годы долгового кризиса и жёсткой экономии, несмотря на политику «whatever it takes». В 2022 г. при расчёте по обменным курсам вес ВВП США в ВВП был на 10 процентных пунктов больше, чем при расчёте по ППС, в то время как вес ВВП ЕС оказался больше всего на 1,7 пункта.

В-третьих, Китай выиграл по результатам обоих методов расчёта, но гораздо больше при расчёте по обменным курсам (рост на 11 пунктов по сравнению с 2008 г.). Несмотря на это, при расчёте последним методом Китай теряет первую позицию, достигнутую при расчёте по ППС, и отстаёт от США на 7 пунктов.

При нынешних курсах валют можно сделать вывод, что Евросоюз в течение этого пятнадцатилетнего периода, похоже, зашёл в *тупик* с точки зрения динамики ВВП в долларах: его экономика выросла с 16,2 трлн в 2008 г. до всего 16,6 трлн в 2022 г., но об этой 15-летней стагнации не сообщал ни один эконометрический институт. Данные настолько аномальны, что авторы ECFR столь же аномальным образом маскируют их, суммируя ВВП Евросоюза и ВВП Великобритании за 2022 г. Правильные пропорции легко восстановить через расчёт темпов роста реального ВВП Евросоюза и США: за пятнадцатилетний период его средний рост составлял 1,15 % в год в Европе и 1,5 % в Америке; если исключить два года глобальной рецессии, то эти два показателя практически идентичны: 2,08 % в Европе и 2,14 % в США. Если же сделать расчёт по обменным курсам, то прирост Европы за весь пятнадцатилетний период составит 2,1 %, а США – поразительные 73 % (с 14,7 до 25,4 трлн долларов).

Эту разницу между двумя методами необходимо объяснить, так как она может вводить в заблуждение, хотя и не является мошенничеством, за исключением случаев откровенного политического использования. Обменные курсы являются результатом миллионов ежедневных транзакций, которые так же ежедневно фиксируются обменными пунктами, контролируемыми центральными банками. На эту тему Банк международных расчётов (БМР) выпускает трёхлетний отчёт. Последний отчёт БМР, опубликованный в октябре 2022 г., показывает, что объём ежедневных операций по обмену валют по состоянию на апрель 2022 г. составлял в среднем 7,5 трлн долл. в день, при этом доллар присутствовал в 88 % транзакций, евро – в 31 %, иена – в 17 %, фунт – в 13 %, юань – в 7 %.

Относительное ослабление ЕС вполне реально: война обнажает линии разлома Старого континента, который резко отстаёт по степени централизации своей финансовой, внешней и оборонной политики. Сравнение США и Европы, предложенное ECFR, фактически сопоставляет результаты двух кризисов за два решающих года: в 2008 г. крах Уолл-Стрит с исчезновением или поглощением дюжины финансовых гигантов и кризис доверия привели к тому, что стоимость доллара упала до самого низкого значения за 20 лет (1,4708 доллара за евро в среднем за год), в то время как евро достиг своего пика в 2003 г. и впоследствии не смог повторить этого уровня; в 2022 г. военный кризис в Европе, напротив, привёл к тому, что курс евро упал до минимального значения за 20 лет (1,0530 доллара за евро), а курс доллара достиг максимума. Показатели, используемые ECFR, – это *политические цифры* американской исключительности, отразившейся в том факте, что доллар приобрёл статус мировой валюты, то есть стал единицей измерения размеров мировой экономики и богатства. Это *политические цифры* унилатерализма США, использующих различные кризисы и трудности конкурирующих держав (ЕС, России и Китая), чтобы казаться безоговорочным триумфатором и навязывать свои темпы и условия. В силу своей монетарной исключительности США являются единственной страной, ВВП которой остаётся идентичным, рассчитывается ли он по ППС или по текущим обменным курсам, в то время как для любой другой страны это две различные величины. Центром тяжести статистических конструкций обоих методов остаётся доллар, вокруг которого на разных расстояниях вращаются все остальные валюты. В 2022 г. это расхождение привело к тому, что ВВП составил 164,160 трлн долл. по ППС и 100,650 трлн долл. по текущему обменному курсу, американский ВВП в обоих случаях был равен 25,460 трлн долл.

Расчёт ВВП по обменным курсам может быть особенно полезен при анализе динамики цикла, поскольку и в той степени, в какой они являются выражением свободных колебаний рынка. Обменные курсы представляют собой своего рода барометр случайных колебаний соотношения сил между державами в исторических пределах текущего монетарного порядка, основанного на перманентном противоречии между функцией доллара как расчётной единицы и функцией доллара как средства платежа или накопления, выпущенного суверенным государством, но признанного во всём мире после окончания второй мировой войны в качестве универсального эквивалента, необходимого для функционирования системы. Мировой капитал нуждается в этом эквиваленте для регулирования своей торговли и бизнеса. В этом и есть специфическая «потребительная стоимость» доллара – сохранение его стоимости за пределами суверенной территории, на которой он выпущен. На этом же основана вся система санкций, вводимых Вашингтоном. Здесь также кроется «непомерная привилегия» доллара, которая состоит в том, что владелец 100-долларовой купюры может требовать товаров, акций, долговых ценных бумаг на одинаковую сумму почти в любой части мира, в отличие от держателей других суверенных валют. За последние 30 лет разница между долей ВВП США в ВМП, рассчитанной по обменным курсам и по ППС, составила в среднем 7 процентных пунктов ВМП, колеблясь между 4,5 и 11 пунктами. Часть этой разницы представляет собой ренту от долларовой эмиссии.

Колебания обменных курсов выражают волатильность денежных рынков, эти курсы устанавливаются в результате мириад транзакций и сражений, *поскольку на них действуют и их воспринимают рынки*, то есть множество крупных групп финансового капитала и государств. Динамика в монетарной сфере отражает их повседневные дела, а также их вторжения и битвы за уровень производительности, процентные ставки, притоки и оттоки капитала, реструктуризацию, процентные ставки, традиционные и нетрадиционные монетарные решения, политические и электоральные изменения, военные конфликты, взлёты и падения фондовых рынков, катастрофы и экономические кризисы, спекулятивные авантюры, стихийные бедствия. В этих пределах монетарные отношения при дальнейшем приближении отражают *совокупность* отношений в системе. В этом смысле они могут найти место в инструментарии марксистского анализа кризисов и тенденций цикла, понимаемого в стратегическом смысле Маркса 1850 г. и Арриго Черветто, то есть цикла как комбинации *экономического, политического и военного циклов*.

В рассмотренном нами примере обменный курс, хотя и искажает *экономический* баланс сил между Соединёнными Штатами и Европой, всё же даёт представление о *совокупном* балансе сил между двумя континентальными империализмами, сравниваемыми в период решающих испытаний: пандемии, европейской войны, инфляции, энергетического и цифрового переходов, попыток сформировать блоки и альянсы. Взаимные сильные и слабые стороны этих держав, а также их отношения с другими державами теперь вступают в игру со всеми их компонентами: экономическими (в том числе монетарными), политическими и военными. Но здесь необходима осторожность, поскольку оценки обменных курсов представляют собой скользкие средние значения, так как не все валюты являются полностью конвертируемыми, а также потому, что существуют сражения и монетарные войны, изучение которых является задачей конкретного научного анализа. Итак, можно констатировать, что гэп между значениями ВВП США и ЕС, неправильно используемый в качестве меры подавляющего *экономического* превосходства Вашингтона, может отражать преобладающую на финансовых рынках идею *совокупного баланса сил* между двумя великими западными державами, борющимися за новый империалистический раздел мира в эту *смену эпох*, которая таит в себе беспрецедентные сюрпризы. Какую роль в относительном обесценивании евро играют более высокая европейская инфляция и процентные ставки, рецессия в Германии, потеря российских энергоресурсов, а также исчезновение с радаров, хотя и временное, франко-германской оси? Насколько сильно пузырь на рынке недвижимости, торговая война, осада, начатая Вашингтоном совместно с другими азиатскими державами, влияют на обесценивание юаня, и наоборот, насколько

большим оно было бы без способности Пекина проявить устойчивость и инициативу, которую он продемонстрировал в 2008 и 2015 г.?

За последние 50 лет мы находим некоторые подтверждения этой гипотезы. Американский ВВП по текущему обменному курсу сразу после второй мировой войны составлял примерно 50 % ВМП. В 1960–1962 гг. его доля всё ещё была близка к 40 %. Затем она медленно падала, оставаясь выше 30 % до начала 1970-х гг. С созданием системы плавающих валютных курсов после того, как Ричард Никсон в одностороннем порядке приостановил конвертируемость доллара в золото, доля Америки в ВМП упала и колебалась между 25 и 30 % в течение примерно 30 лет. Из-за мирового финансового кризиса ВВП США снизился примерно до 21 %, но с началом долгового кризиса в еврозоне начал восстанавливаться. Доллар укреплялся в качестве глобальной безопасной гавани в годы обострения геополитического вызова и вызова исламистского терроризма в Европе и на Среднем Востоке. Он поддерживался американским унилатералистским подходом, протекционистской жестикюляцией Дональда Трампа с его «*America first*» и «*Buy American*», а также массивными правительственными вливаниями для поддержки экономики США в период с 2017 по 2022 г. посредством новых *tax cut* и огромных субсидий предприятиям. Эта политика вызвала к жизни образ «*вертолётных денег*», и она была подтверждена преемником Трампа Джо Байденом, который лишь облачил её в бархатные перчатки. С помощью этих чрезвычайных мер США, наконец, удалось вернуться к 25 % ВМП. Относительный упадок американского империализма полностью подтверждается, но, несмотря на сокращение относительного веса их экономики в ВМП, США по-прежнему сохраняют первенство по ВВП. [...]

В начале века гонка стала трёхсторонней, впервые за весь послевоенный период, так как вызовы со стороны СССР и Японии не имели необходимого масштаба. Китай становится третьим протагонистом, резко ускорившись после вступления в ВТО. И теперь в центре стратегических расчётов находится его роль в качестве участника одной из потенциальных комбинаций с одним из двух основных западных игроков. Со сближением Соединённых Штатов и Китая в рамках системы, которую журналисты назвали «Бреттон-Вудс – II», Дракон с его подавляющей экспортной силой не только сыграл решающую роль в установлении дезинфляционной тенденции в мировой экономике, но и использовал свои излишки капитала для финансирования долга США, став их главной опорой. С началом финансового кризиса период конвергенции закончился, и Пекин начал настаивать на реформировании институтов, правила которых были написаны англосаксонскими победителями второй мировой войны. С тех пор Китай почти утроил свою долю в ВМП по текущему курсу доллара. На этой, казалось бы, неудержимой волне Пекин в 2015 г. запустил проект «*Made in China 2025*» с целью добиться превосходства в десяти стратегических технологических секторах. США неизбежно должны были отреагировать. Доля Европейского союза, которая на момент краха Уолл-Стрит превышала 25 % ВМП, неуклонно падала после долгового кризиса в Европе. Линия жёсткой экономии, возобладавшая в Европейском союзе в ответ на финансовый кризис, долговой кризис, разделивший европейские страны и сопровождавшийся многочисленными внешними атаками на евро, английский референдум и выход из ЕС Соединённого Королевства погасили европейский импульс, в то время как американские технологические и финансовые группы добились гораздо более быстрого восстановления, чем компании старушки Европы, а китайские группы значительно укрепились.

Европейский союз не смог конвертировать свои конфедеративные и объединительные успехи в достаточную и постоянную политическую силу. Победы в битве за защиту единой валюты было недостаточно, чтобы вдохновить наступление за политическое объединение континента, соизмеримое по масштабу с задачами наступающего *железного века*. ЕЦБ расширил свои полномочия, приблизив их к полномочиям ФРС США; во время долгового кризиса был создан Европейский стабилизационный механизм, располагающий важным фондом для стабилизации в кризисных ситуациях; во время пандемического кризиса был осуществлён первый реальный выпуск общих еврооблигаций для финансирования восстановления Европы в процессе энергетического перехода; во время украинской войны

ЕС установил общий потолок цен на нефть. Но эти скачки не позволили союзу достичь институционального порога, которым могло бы стать создание европейского казначейства; общего европейского долгового рынка, столь же важного для роли евро, как американский долговой рынок для доллара; органа по централизации энергетической политики. Банковский союз, созданный в 2012 г., так и не был завершён.

История не закончилась, и каждое новое землетрясение вновь пробуждает в европейском империализме воспоминания о Жане Монне, предсказавшем, что Европа может довести свои кризисы до конца. Война в Европе – ещё одно решающее испытание и грубое пробуждение. Пошаговый подход, возникший на основе опыта двух военных катастроф XX века и жестокого раздела континента, согласованного в Ялте, культивировал идеологию державы, способной решать межимпериалистические споры с помощью флотов контейнеровозов, а не авианосцев; монетарного оружия и масс капитала; связей регуляторной державы и финансовой дисциплины; военных расходов, которые ниже, чем у противников и союзников благодаря сдерживающему зонтику крупного союзника; расширения границ единого рынка, европейских интеграционных фондов и единой валюты как необратимого клея. Эта держава тешила себя иллюзией бесконечного времени, доступного для возведения более крупного здания – ненавистного совранистам *«всё более совершенного союза»*.

Революционная партия должна извлечь выгоду из противоречий европейского империализма. Политическая борьба его фракций и его течений даёт больше времени, больше пространства и больше опыта для организационного развития ленинистской партии.

После американского кризиса субстандартного ипотечного кредитования 2007 г. предметом дискуссий о характере цикла стала концепция *декаплинга*. Десять лет спустя, когда она появилась снова, значение этого термина изменилось на противоположное.

В то время как кризис деривативов и субстандартного ипотечного кредитования оставил шрам на репутации американских финансов, активным восходящим экономикам приписывалось желание отделиться – осуществить *декаплинг* – от хромающего американского цикла и даже намерение бросить вызов гегемонии США. Когда разразился кризис на Уолл-Стрит, Народный банк Китая раскритиковал долларовую систему за неспособность гарантировать стабильность и предложил принять более безопасную и инклюзивную монетарную систему, основанную на специальных правах заимствования МВФ: кажется разделение принимает форму. Темпы развития Азии показали, что центр глобального развития сместился в Азиатско-Тихоокеанский регион. Внеевропейская торговля Старого континента следовала этой тенденции, ослабляя её атлантистский компонент. Американские транснациональные корпорации были обвинены в том, что своими иностранными инвестициями они расширяют или используют разрыв в темпах азиатского и американского циклов. В разгар рецессии 2009 г. Китай, Индия, Бразилия и Россия сформировали коалицию, названную тогдашним главным экономистом Goldman Sachs Джимом О'Нилом БРИК. В следующем году к группе присоединилась Южная Африка, и объединение стало называться БРИКС. Его основная цель заключалась в том, чтобы увеличить вес “развивающихся” стран в международных институтах и создать условия и структуры для многополярной системы.

В 2011 г. тогдашняя глава МВФ Кристин Лагард сделала выговор критикам Бреттон-Вудских учреждений, призывавшим к монетарной реформе: *«В нашем взаимосвязанном мире [...] каждая мысль о декаплинге является миражом»*. Но *декаплинг* не был целью Китая, даже когда Пекин поднял планку, в 2013 г. запустив инициативу “Пояс и путь”, а в 2014-ом создав Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с капиталом в 100 млрд долл. За несколько месяцев инициатива получила поддержку 57 государств, включая все наиболее важные страны ЕС. Тем временем Пекин продолжал покупать долг США, оставаясь крупнейшим иностранным кредитором Казначейства США до 2019 г.

Когда во время президентства Трампа в стратегические дебаты в Вашингтоне снова вернулся вопрос *декаплинга*, направление угрозы изменилось на противоположное, США начали одностороннее контрнаступление по всем направлениям и инициировали: торговую

войну против Пекина; выход из ТТП, куда входили 11 стран, включая Японию (ключевую державу тихоокеанского поворота “доктрины Обамы”); выход из Парижского соглашения по климату; прекращение действия североамериканского соглашения НАФТА (правда, это решение было пересмотрено, и в 2020 г. зона была воссоздана). Этот курс американской политики, причём не только торговой, казалось, подтверждал тезис различных западных, особенно англосаксонских, аналитических центров, но не стражей многостороннего мирового порядка из МВФ, Всемирного банка и ВТО, о том, что глобализация исчерпала себя и начался процесс *деглобализации*.

Ноябрь 2023 г.